

— Я пользуюсь им только сейчас. Это же моя жизнь, неужели я стану ему вредить?

Сяо Шулань достал из-за пазухи тот самый цветок.

Цветок был на редкость странным: с того самого дня, когда под Мечом Синего Дракона стебель надломился сам собой, лепестки сомкнулись, но цветок не выказал и малейших признаков увядания. Он по-прежнему сверкал, точно луна, а на ощупь казался ледяным.

Он протянул цветок Лю Тинчжу. Тот протянул руку, взял его и направил бутон на луну в небе. На глазах у ошоломленного Сяо Шуланя Лотос Холодной Луны, словно впитывая лунное сияние, начал лепесток за лепестком постепенно раскрываться.

Лю Тинчжу открыл глаза, увидел, что тот застыл на месте, окинул его презрительным взглядом и бросил:

— Отойди подальше, не мешай мне.

Сяо Шулань слегка рассердился, но, подумав, сдержался. Он молча уселся на серый валун и, последовав примеру Лю Тинчжу, тоже задрал голову, глядя на луну.

Луна в эту ночь казалась донельзя ослепительно-белой, от её сияния у него даже слегка закружилась голова. Она напомнила ему улыбку, которую Лю Тинчжу только что подарил ему: та была точь-в-точь как Лотос Холодной Луны, что под лунным светом раскрывает свои белоснежные лепестки.

Не удержавшись, он обернулся на Лю Тинчжу и увидел, что тот закрыл глаза, а губы его прижаты к Лотосу Холодной Луны. На миг Сяо Шулань даже почувствовал лёгкую зависть к этому цветку, ему так и хотелось вырвать его и выбросить.

Тот оставался в прежней позе, и сколько прошло времени — было неизвестно. Сяо Шуланю вдруг показалось, что перед глазами на миг рябь пошла: вокруг Лю Тинчжу клубился слабый туман, а сам его силуэт в воде казался зыбким и неясным. То ли рябь на воде заставляла его зелёные одежды трепетать в каком-то туманном мареве, то ли всё его тело находилось одновременно и в воде, и под луной, отчего от него исходило нечто вроде полупрозрачного бирюзового свечения?

Сяо Шулань потёр глаза и присмотрелся повнимательнее: Лю Тинчжу уже убрал Лотос Холодной Луны от губ, и лепестки цветка в тот же миг снова сомкнулись в бутон.

Зелёные одежды Лю Тинчжу промокли насквозь, даже на шее блестели капли воды, скатывавшиеся одна за другой по его шее цвета нефрита.

Мокрая ткань плотно облегала его тело, делая бирюзовый цвет ещё более глубоким и сочным.

Сяо Шулань смутно припомнил то раннее утро в глухих горах, когда дождя вроде бы не было, но его зелёные одежды от влаги казались чуть темнее, словно пропитались густой лесной зеленью. Теперь же он походил на небожителя, сошедшего с луны прямо в воду — до того чистого и холодного, и в нём не было ни капли зловещей демонической ауры.

Лю Тинчжу произмолвил:

— Готово.

Сяо Шулань протянул руки, вытащил его наружу и попутно заметил:

— Сегодня от тебя совсем не пахло тем благовонием.

Брови Лю Тинчжу сошлись на переносице, и его обычно утончённое, словно у небожителя, лицо мгновенно помрачнело, наполнившись холодом.

— Ты ещё смеешь об этом говорить! Сяо Шулань, если бы не ты, разве стал бы я сейчас таким — ни человек, ни демон, не способный обрести бессмертие и вынужденный терпеть твои притеснения?

Сяо Шулань уже развёл костёр и усадил его рядом с огнём:

— Давай высушим одежду, уже поздняя осень, так и простудиться недолго.

Заметив, что Лю Тинчжу немного сопротивляется, он силой усадил его ровно, а затем с улыбкой произнёс:

— Разве тебе не кажется, что выбираться наружу — это очень весело? Куда лучше, чем коротать века в одиночестве за горной культивацией.

Лицо Лю Тинчжу сначала было исполнено гнева, но, услышав это, он действительно задумался на мгновение и наконец ответил:

— Весело-то весело, но... а вдруг если насмотришься, станет неинтересно? К тому же... если другие узнают кто я, то станут смотреть на меня как на чужака, совсем как ты...

Сяо Шулань невольно рассмеялся:

— Не обманывай себя, в этом мире столько всего интересного, очень-очень много. Если захочешь посмотреть, и целой жизни не хватит, чтобы всё надоело...

Внезапно он кое о чём вспомнил: ведь жизнь Лю Тинчжу — это вовсе не его собственная человеческая жизнь, и поспешно добавил:

— По крайней мере, моей жизни.

Заметив, что Лю Тинчжу опустил голову и смотрит на огонь, отсветы которого окрасили его лицо в розоватый оттенок, Сяо Шулань улыбнулся:

— Не веришь? Завтра я поведу тебя погулять.

Тихим голосом Лю Тинчжу спросил:

— Разве ты не собирался искать заклинателя?

Сяо Шулань ответил:

— Хотя я и знаю, что ты не человек, но бояться тебя не получается, да и ненавидеть тоже. Глядя на тебя... мне и впрямь хочется быть рядом...

Лю Тинчжу улыбнулся, положил подбородок на колени и принялся неотрывно смотреть на пламя.

— Наверное, это потому, что до сих пор ты видел меня только в человеческом облике, только так и можешь принять. Только что... ты ведь сам не захотел смотреть на мой истинный облик?

Помолчав с полминуты, Сяо Шулань медленно произнёс:

— Если бы это было в нашу первую встречу, я бы не испугался, а теперь... я и правда не хочу видеть твой истинный облик. Называй это самообманом или как угодно, но мне нравится смотреть на тебя именно так...

Лю Тинчжу опустил голову, в его глазах заплясали искорки отражённого огня.

Сяо Шулань уже решил, что тот больше ничего не скажет, и снял верхнюю одежду, чтобы набросить её на его плечи, как вдруг Лю Тинчжу заговорил. Голос его звучал чисто и звонко, в ночной тишине он казался таким отчётливым, словно перебор струн цитры, и внезапно заставил Сяо Шуланя вздрогнуть:

— Если бы ты увидел моё истинное тело, всё стало бы совершенно иначе?

Сяо Шулань замер, нерешительно помедлив с ответом. Он уже хотел было ответить, но Лю

Тинчжу перебил его:

— Я хочу услышать правду.

Сяо Шулань снова опешил, наконец тяжело вздохнул и сказал:

— Не знаю, ведь я его не видел.

— А если бы увидел?

Сяо Шулань снова умолк.

Прошло немало времени, прежде чем он выдавил:

— Я не знаю.

Как только эти слова сорвались с губ, он заметил, как плечи Лю Тинчжу едва заметно дрогнули, и тут же раскаялся, торопливо бросив:

— Я...

Но Лю Тинчжу лишь покачал головой и с улыбкой произнёс:

— Мне нравится слушать правду.

И неважно, насколько эта правда ранит? — подумалось в этот момент Сяо Шуланю.

Заметив, что его влажные пряди волос завиваются возле ушей, он не удержался и протянул руку, чтобы убрать их. Ощущение мягкости прикосновения заставляло его лишь пьянеть, а когда он возвращался в реальность, то снова тонул в мягкости чужих губ.

Сколько бы ночей они ни проводили в объятиях друг друга, в теле Лю Тинчжу никогда не было ни малейшего намёка на тепло.

Сяо Шулань в каком-то тумане думал о том, что в легендах демоны, долго прожившие рядом с людьми, неизбежно перенимают человеческую ауру, и их тела постепенно обретают тепло живого человека? Почему же Лю Тинчжу... остаётся прежним?

Поцелуй становился всё жарче, всё глубже и страстнее.

Волосы Лю Тинчжу рассыпались по земле, точно мягкий шёлк.

Сяо Шулань открыл глаза и увидел, что тот по-прежнему смотрит на него широко раскрытыми глазами. Взгляд этот был настолько чистым, что ему на миг захотелось отвесить себе пощёчину, и он тут же оперся руками о землю, приподнимаясь.

Возможно, из-за опьяняющего аромата Сяо Шулань почти забыл ощущения от тех объятий в ту ночь, в памяти остался лишь этот взгляд под луной, сияющий точно звёзды.

Неужели ты не понимаешь, что это значит? Ты воспринимаешь подобное лишь как помеху своему совершенствованию, но никак не можешь постичь остального... Неужели ты и впрямь ничего не смыслишь в чувствах?

Сяо Шулань разжал руки, бережно приподнял Лю Тинчжу и аккуратно запахнул на нём наполовину просохшие полы одежды. А Лю Тинчжу всё так же упорно глядел на него во все глаза — от этого взгляда Сяо Шуланю казалось, что ему совершенно негде спрятаться.

— Переночуем здесь эту ночь или пойдём дальше?

Лю Тинчжу по привычке прижался к его груди и лениво пробормотал:

— Всё равно... я всё равно хочу спать...

Сяо Шулань оцепенел. Только что он самозабвенно целовал его, едва-едва заставив себя оторваться, а теперь тот снова льнёт к нему, словно неразумное дитя... Отталкивать — вроде бы некуда, обнимать — тоже странно, а Лю Тинчжу вдобавок ещё и начал ёрзать у него на груди. Хриплым голосом Сяо Шулань произнёс:

— Тинчжу...

Лю Тинчжу издал сонное мычание:

— Я устал, хочу спать...

Сяо Шулань никак не мог взять в толк, почему тот вечно так хочет спать: большую часть времени он неизменно спал. Не успел он толком обо всём подумать, как Лю Тинчжу уже уснул прямо у него на груди.

Сяо Шулань протянул руку и нежно погладил его по лицу, по волосам, по губам. Помедлив немного, он подхватил его на руки, поднялся на ноги и зашагал к широкой дороге.

От покачивания при ходьбе Лю Тинчжу проснулся, ословело приоткрыл глаза и пробормотал:

— Куда мы направляемся посреди ночи...

Сяо Шулань бросил взгляд на дорогу впереди:

— Пройдём ещё немного за эту ночь, а к утру доберёмся до моего друга. Потерпи ещё один вечер.

Лю Тинчжу резко распахнул глаза, вмиг став совершенно трезвым:

— Твой друг-заклинатель?!

Сяо Шулань прижал его к себе чуть крепче:

— Всё в порядке, он не причинит тебе вреда. Пока я рядом — не причинит.

Заметив, что во взгляде Лю Тинчжу мелькнуло недоверие, он понизил голос:

— Поверь мне.

Долгое время Лю Тинчжу молчал, а затем слабо улыбнулся и тихо проронил:

— Я никому не верю.

Неприметная с виду лавчонка, на вывеске которой красовались три иероглифа: Ихуасюань.

Сяо Шулань покачал головой и усмехнулся:

— Этот Моли... Я ведь давно говорил ему сменить вывеску, а он всё пользуется таким банальным названием.

Внутри лавки было темно и мрачно, антиквариат валялся как попало, и даже когда они вошли, никто не вышел их встретить.

Сяо Шулань усадил Лю Тинчжу, но заметил, что тот принялся рассматривать всё вокруг с ног до головы, и в его глазах читалось искреннее удивление.

За те дни, что они провели в походах по лавкам древностей, Лю Тинчжу неизменно устаивал

их лишь презрительным фырканием, и в помине не было нынешнего неподдельного интереса.

— Шулань, пришёл и даже не предупредил.

Высокий и худой мужчина среднего возраста, с длинной тонкой курительной трубкой в руке, не спеша вышел из внутренних покоев, но, неожиданно заметив Лю Тинчжу, на мгновение замер на месте.

Видя, что Лю Тинчжу смотрит на него так, будто его и вовсе нет, и продолжает вертеть в руках кусок древнего нефрита, хозяин лавки оттащил Сяо Шуланя в сторону и понизил голос:

— Шулань, где это ты откопал такого... человека?..

Сяо Шулань горько улыбнулся:

— Где же ещё, как не на поисках того Лотоса Холодной Луны для Юйянь, там я с ним и столкнулся.

Моли снова бросил взгляд на Лю Тинчжу и спросил:

— С какой стати ты таскаешься с ним?

Сяо Шулань развёл руками:

— Он говорит, что я — последний, кого он должен убить, а проглотив меня, он сможет обрести бессмертие.

Затем он добавил шёпотом:

— Он говорит, что он лис, но я не слишком-то в это верю. Взгляни сам, кто он на самом деле?

Моли с полминуты разглядывал Сяо Шуланя, а затем произнёс:

— Сначала я хотел бы узнать, с какой целью ты таскаешь его за собой? Ты что, собираешься заявиться к Юйянь вот так, с ним на руках? Даже если ты добыл Лотос Холодной Луны, Юйянь всё равно выставит тебя вон!

Сяо Шулань неловко улыбнулся:

— Моли, сейчас не время об этом говорить...

Моли сурово зыркнул на него:

— Говорю тебе: он не может сходиться с людьми, если ты вздумаешь с ним сближаться, это погубит его совершенствование!

Сяо Шулань снова горько улыбнулся и, помедлив немного, вымолвил:

— Уже погубило.

Моли широко раскрыл рот и, тыча пальцем в Сяо Шуланя, лишился дар речи. Сяо Шулань отмахнулся от его руки:

— К чему теперь эти сожаления?!

Теперь настала очередь Моли кривить улыбку:

— Ох, Шулань, Шулань, зачем ты вообще явился ко мне сегодня? Раз уж ты не собираешься от него избавляться, чего же ты от меня хочешь?

Сяо Шулань с серьёзным видом произнёс:

— Хоть Меч Синего Дракона и служит ему сдерживающим средством, я боюсь, что случись мне выпустить его из рук или произойди какая случайность... Я за него не спокоен, совсем не спокоен, поэтому и хотел спросить твоего совета: нет ли какого-нибудь другого способа удержать его в узде?

Моли немного подумал и ответил:

— Бронзовая кисточка на рукояти твоего Меча Синего Дракона тоже может его сдерживать. Сходи в какую-нибудь кузницу, пусть тебе переплавят её в цепи и прикуют его ими. Сам он её снять не сможет. Так что даже если его духовная сила частично восстановится, воспользоваться ею он не сможет.

Лицо Сяо Шуланя едва заметно переменилось. Он скосил глаза на Лю Тинчжу, который всё так же с любопытством разглядывал древности.

Стоило Сяо Шуланю только представить, как тот отреагирует на подобные действия, как ему становилось жутко.

Моли усмехнулся в сторонку:

— Жалеешь? Шулань, послушай меня, люди и демоны — из разных миров. Брось эту затею. Юйянь — хорошая девушка, не смей её прерывать.

Заметив, что Сяо Шулань по-прежнему смотрит на Лю Тинчжу так, будто ничего не слышал, тот вздохнул:

— Послушай моего совета, я на своём веку повидал немало. Будь то любовь между человеком и демоном или между человеком и призраком — хорошим концом это ещё никогда не заканчивалось.

Сяо Шулань вздохнул:

— Я знаю, Моли. Можешь больше об этом не говорить.

Моли улыбнулся:

— Я нечасто берусь за изгнание нечисти, ведь у демонов тоже есть чувства. Путь их совершенствования тяжёл, и пока они не вредят людям, я с радостью закрываю на это глаза, оставляя им лазейку для выживания — это лучше, чем построить семиэтажную пагоду. Но он...
— Моли посмотрел на Лю Тинчжу и продолжил: — Он другой. Я подозреваю... понимает ли он вообще семь чувств и шесть желаний? Он совсем не такой...

Сердце Сяо Шуланя ёкнуло, и он допытывался:

— В чём же именно он другой?

Лицо Моли словно скрылось в клубах выдыхаемого дыма, став совсем расплывчатым.

— Если он сам захочет тебе рассказать, то расскажет.

Сяо Шулань аж задохнулся от злости и выпалил:

— Моли!

Шагнув к нему ближе, он в упор уставился на него глазами:

— Столько лет дружбы, а ты даже в этом мне отказываешь...

Моли полностью проигнорировал его глаза, которые, казалось, готовы были вылезти из орбит, лениво выдул колечко дыма и ответил:

— Именно из уважения к нашей дружбе я тебе и не говорю. Порой неведение лучше знания. Ответь мне: если его истинный облик окажется тем, чего ты совершенно не сможешь принять, ты всё равно осмелишься остаться с ним рядом?

Сяо Шулань замер, а Моли тут же добавил:

— Что если он змея? Ты сможешь это вынести?

Сяо Шуланя прошиб холодный пот, и он бросил взгляд на Лю Тинчжу. Тот по-прежнему не обращал никакого внимания на их беседу, целиком поглощённый сокровищами, заполнившими комнату.

До сих пор Сяо Шулань уже привык к такому его поведению и даже нежно любил эту почти детскую сосредоточенность. Однако сейчас, видя его зелёные одежды в тусклом, блеклом свете, он почувствовал, как сердце холодеет, вызывая тошноту.

Спокойный голос Моли раздался прямо у него за спиной:

— Что? От одной лишь мысли уже тошно? А если ты увидишь это наяву?

Сяо Шулань обернулся, и в его голосе прозвучало невольное дрожание:

— Моли! Ты хочешь сказать, что он и впрямь...

Моли отмахнулся:

— Нет, я просто привёл пример.

Сяо Шулань облегчённо выдохнул:

— Моли, лучше не приводи такие примеры.

К полудню Моли накрыл стол с закусками и вином, пригласив обоих пройти во внутренние покои.

Устроив Лю Тинчжу на месте, Сяо Шулань украдкой бросил взгляд на его выражение лица. Тот даже не удостоил его вниманием, продолжая крутить в пальцах тот самый кусок древнего нефрита.

Моли сказал:

— Нравится — забирай, всё равно он не мой.

Только тогда Лю Тинчжу поднял на него глаза и промолвил:

— Благодарю.

Сяо Шулань не удержался от шпильки:

— Зачем он тебе?

— Красивый.

Сяо Шулань подавился так, что едва не испустил дух, и принялся мрачно ковыряться в еде.

А Лю Тинчжу лишь изредка подносил чашку ко рту, то и дело роняя рисинки, которые цеплял палочками. Сяо Шулань положил ему в чашку немного еды и не выдержал:

— Сколько ты вообще ешь за целый день? Как ты до сих пор не умер с голоду?

Лю Тинчжу издал неопределённое угу и снова поднял чашку. Сяо Шулань, глядя на то, с каким усердием тот ест, испытывал одновременно и злость, и смех.

Моли неторопливо произнёс:

— Шулань, ешь давай своё, пара лишних или меньших зёрен ему не повредит.

Заметив, что Сяо Шулань снова собирается что-то сказать, он зыркнул на него:

— Сказано же, не твоя забота! Ешь давай!

Лю Тинчжу вдруг прыснул со смеху. Сяо Шулань удивился:

— Ты чему смеёшься?

— А ты и впрямь такой послушный, — отозвался Лю Тинчжу.

Увидев, как у Сяо Шуланя потемнело лицо, тот с лёгкой улыбкой отложил чашку:

— Больше не хочу, пойду пройдуся.

Смысл был ясен без слов: Сяо Шуланю снова придётся его сопровождать.

Сяо Шулань тоже поспешно отставил чашку:

— Хорошо, я составлю тебе компанию.

Стоявший рядом Моли тоже расхохотался. Сяо Шулань не выдержал:

— Моли, ты чему смеешься?

Не успел Моли ответить, как Лю Тинчжу опередил его:

— Он тоже хочет сказать, что ты и впрямь очень послушный.

Сяо Шулань едва не рухнул на месте. На беду, и Лю Тинчжу, и Моли хранили совершенно невозмутимый вид, на их лицах не было и следа насмешки, так что ему оставалось лишь проглотить выбитые зубы вместе с кровью, изобразить на лице улыбку и произнести:

— Ну... Моли, мы пошли.

Моли снова взял в руку свою бессменную трубку и неторопливо протянул:

— Идите раз надо, зачем ещё мне докладывать?

На этот раз Сяо Шулань окончательно рассвирепел.

Городок, где обосновался Моли, был оживленным транспортным узлом и отличался немалой шумностью и процветанием.

Сам Моли оставался отшельником лишь наполовину, и всякий раз, когда Сяо Шулань спрашивал его, почему он до сих пор не покинет это суетное место, тот неизменно отвечал одно и то же: «Великий отшельник прячется среди толпы».

Сяо Шуланю так и подмывало спросить: почему же ты тогда не спрячешься при императорском дворе? — но стоило ему вспомнить холодный, полный презрения взгляд этих глаз Моли, как он тут же проглатывал свои слова.

Они сидели на верхнем этаже таверны, заказав вина и нехитрую закуску. Лю Тинчжу, как водится, едва касался еды, лишь слегка пригубивая вино, в то время как Сяо Шулань, не наевшийся толком раньше, теперь вовсю нагонял упущенное.

День клонился к вечеру, закатное зарево заливало всё небо, и в вышине ещё проносились отбившиеся от стаи одинокие гуси.

Вдалеке поблескивала рябью изгибающаяся река.

— Твой друг — хороший человек.

Сяо Шулань опешил: он никак не ожидал, что Лю Тинчжу, молчавший добрую половину дня, вдруг выдаст такое.

— Моли, конечно, хороший человек, но почему ты...

Помолчав немного, Лю Тинчжу ответил:

— Сколько ни объясняй, всё равно не поймёшь.

Сяо Шулань возразил:

— Не сказав ни слова, откуда ты знаешь, что я не пойму?

Он протянул руку и мягко сжал ладонь Лю Тинчжу, лежащую на столе:

— Расскажешь мне?

Лю Тинчжу чуть повернул голову, глядя на него, и в его глазах вспыхнул и затерялся какой-то странный свет.

Сяо Шулань сжал его пальцы чуть крепче:

— Если уж у Моли нашлось такое сердце, я тоже постараюсь принять тебя... кем бы ты ни был.

Лю Тинчжу долго смотрел на него и уже собирался что-то сказать, как вдруг снизу раздался топот множества ног — кто-то громко, во весь голос требовал нести вина и закусок. Лю Тинчжу чуть нахмурился, проглотив готовые сорваться с губ слова, и обернулся.

По лестнице поднимались двое: дородный богач в роскошных одеждах сопровождал мужчину в наряде судебного дознавателя. Последний был высок ростом, отличался бравой и героической внешностью, а его глаза ярко сияли. Стоило Сяо Шуланю взглянуть на него, как сердце его пропустило удар: внутренняя ци этого человека, пожалуй, превосходила его собственную.

Богач почтительно склонил голову:

— Господин дознаватель Тье, прошу, занимайте лучшие места.

Мужчина в форме дознавателя слегка нахмурил густые брови и произнёс:

— Богатей Цзинь, я просто попросил вас подробно описать тогдашние события, не нужно оказывать мне стольких знаков внимания и тащить в лучшую таверну этого города. Тье Чжэн прибыл сюда расследовать дело, это мой долг, богатей Цзинь, вам не стоит излишне любезничать.

Богатей Цзинь виновато улыбнулся:

— Господин дознаватель проделал такой путь, как я мог проявить неуважение? К тому же обстановка в моём скромном поместье сейчас совсем не располагает к беседам. Прошу, господин дознаватель, давайте сначала присядем.

Тье Чжэн нехотя согласился, коротко бросив хмыканье, и опустился на стул. Его взгляд скользнул по Сяо Шуланю и Лю Тинчжу, замер на висевшем у Сяо Шуланя Мече Синего Дракона, в глазах мелькнуло удивление, и он уже было хотел подняться, но богатей Цзинь снова затараторил без умолку, так что дознавателю пришлось сесть обратно.

— Господин дознаватель, умоляю, отомстите за всю мою семью, за сотню с лишним душ! Мой... мой брат и все его близкие были честными людьми, творили добро и накапливали заслуги! Я, как старший брат, обязан во всём разобраться. Почему они все погибли в одну ночь, причём столь внезапно, при столь неясных обстоятельствах? Господин дознаватель, вы просто обязаны докопаться до правды!

По мере того как богатей Цзинь говорил, на глазах у него навернулись слёзы, и он попытался подняться, чтобы отвесить Тье Чжэну глубокий поклон.

Тье Чжэн махнул рукой:

— Богатей Цзинь, я уже сказал, что это мой долг. Я приложу все силы ради дела вашего брата, так что можете быть спокойны.

Сам богатей Цзинь боевыми искусствами не владел, поэтому от взмаха руки Тье Чжэна поклон сам собой не удался.

Тяжело вздохнув, он вернулся на своё место:

— Хорошо, тогда я начну рассказывать господину дознавателю всё с самого начала.

Сяо Шулань прислушался, и хотя стояла лишь поздняя осень, его словно бросило в ледяную прорубь — от макушки до пят прошиб лютый холод.

<http://bllate.org/book/21147/2144241>